

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ Я. Р. ШМИДТ

Из английских поэтов

Кристина Джорджина Россетти (1830–1894)

Remember

Remember me when I am gone away,
Gone far away into the silent land;
When you can no more hold me by the hand,
Nor I half turn to go yet turning stay.
Remember me when no more day by day
You tell me of our future that you planned:
Only remember me; you understand
It will be late to counsel then or pray.
Yet if you should forget me for a while
And afterwards remember, do not grieve:
For if the darkness and corruption leave
A vestige of the thoughts that once I had,
Better by far you should forget and smile
Than that you should remember and be sad.

Перевод Я. Шмидт

Помни!

Ты помни обо мне, когда у врат
Предстану царства тэней я, мой друг;
Моих держать когда не сможешь рук,
Я, уходя, не оглянусь назад,
Участливый не встретишь больше взгляд,
Со мной делить не будешь свой досуг...
Все ж помни! Но совета уж мой дух
Не сможет дать Тебе, хоть был бы рад.
И если б даже Ты, меня забыв,
Вдруг вспомнил вновь, то не печалься, нет;
Быть может мыслей хоть ничтожный след
Моих найдешь рассеянный кругом,
Знай, предпочту забвения разрыв,
Чем чтобы, вспомнив, Ты грустил потом.

Альфред Остин (1835–1913)

Love's Wisdom

Now on the summit of Love's topmost peak
Kiss we and part; no further can we go:
And better death than we from high to low
Should dwindle or decline from strong to weak.
We have found all, there is no more to seek;
All have we proved, no more is there to know;
And time could only tutor us to eke
Out rapture's warmth with custom's afterglow.
We cannot keep at such a height as this;
For even straining souls like ours inhale
But once in life so rarefied a bliss.
What if we lingered till love's breath should fail!
Heaven of my Earth! one more celestial kiss,
Then down by separate pathways to the vale.

Перевод Я. Шмидт

Мудрость любви

В любви к вершине подошли мы той,
Откуда дальше нам дороги нет.
Окинем взглядом пройденного след
И навсегда расстанемся с Тобой.
Все лучшее изведано, друг мой,
До дна исчерпан уж любовный бред,
А дальше заменить восторг былой
Лишь скучной мы б могли привычкой лет.
Не удержать нам за собой высот:
Единый человеку в жизни раз
Дано в надзвездный мир свершить полет.
Зачем нам ждать, чтоб луч любви угас?
Прощай! Отдельно каждый пусть сойдет
К долине вниз, где будней мир ждет нас.

Элизабет Барретт Браунинг (Моултон) (1806–1861)

Elizabeth Barrett Browning — известная английская поэтесса Викторианской эпохи.

Пик популярности Э. Браунинг пришёлся на 1850-е гг., когда была выпущена одна из наиболее известных её работ — «Сонеты с португальского» (*Sonnets from the Portuguese*), представляющая собой сборник любовных стихов.

14

If thou must love me, let it be for nought
Except for love's sake only. Do not say
«I love her for her smile — her look — her way
Of speaking gently, — for a trick of thought
That falls in well with mine, and certes brought
A sense of ease on such a day» —
For these things in themselves, Beloved, may
Be changed, or change for thee, — and love, so wrought,
May be unwrought so. Neither love me for
Thine own dear pity's wiping my cheek dry, —
A creature might forget to weep, who bore
Thy comfort long, and lose thy love thereby!
But love me for love's sake, that evermore
Thou may'st love on, through love's eternity.

Перевод Я. Шмидт

Люби меня так просто, без прикрас,
Без повода; не говорил чтоб Ты:
«Люблю ее за свежесть красоты,
Улыбку, говор нежный, ясность глаз,
За то, что в мыслях сходимся не раз,
Беседу с ней приятно мне вести».
Все это время может унести,
В любой пропасть бесследно может час.
Равно любовь не должен Ты дарить
Из состраданья; кто любим Тобой,
Легко слезу забудет уронить
И потеряет взгляд участия Твой.
Любви лишь ради следует любить,
То настоящая любовь, друг мой.

43

How do I love thee? Let me count the ways.
I love thee to the depth and breadth and height
My soul can reach, when feeling out of sight
For the ends of Being and ideal Grace.
I love thee to the level of everyday's
Most quiet need, by sun and candle-light.
I love thee freely, as men strive for Right;
I love thee purely, as they turn from Praise.
I love thee with the passion put to use
In my old griefs, and with my childhood's faith.
I love thee with a love I seemed to lose
With my lost saints, — I love thee with the breath,
Smiles, tears, of all my life! — and, if God choose,
I shall but love thee better after death.

Перевод Я. Шмидт

Как я люблю? Попробую сказать:
Любовь моя взлетает до высот
Таких, куда душа лишь может взлет
Свершить, ища восторгов благодать.
Ей близок вместе с тем, Ты должен знать,
Твоих хотя б мельчайших круг забот.
Люблю, свободу любит как народ,
Как лжи бегут, в надежде чище стать.
В любовь свою вложила я всю страсть
Былых обид и веру юных дней;
Нашла любовь, грозившую пропасть,
Как вера в Бога и Учителей.
Сильна моя любовь, и смерти власть
Ее лишь сделает еще сильнее.

Морис Бэринг (1874–1945)

(английский драматург, поэт, прозаик, переводчик и публицист)

SONNETS

* * *

11

12

When you are old, no man will start to hear
That you were once more lovely than the day;
Old age may change but cannot take away
From you; and you will meet him without fear.

Yet when you think of him who loved fair things,
And singing of all beauty sang but you,
Nor dreamed you guessed the secret of his strings.
Then say: "Although he knew it not, I knew."

I shall be dead and mid the shadowy throng
In the long twilight I shall not forget; —
You still will tread the earth with royal grace;

And if you smile remembering my song,
A moonbeam to the kingdoms of regret
Will come and flood with light the sunless place.

Перевод Я. Шмидт

Поверят в будущем Тебе легко,
Что в юности всех лучше Ты была;
Хоть явятся морщины круг чела
Все ж время не отнимет ничего.

Когда ж на ум Тебе придет поэт,
Что в гимнах красоте лишь пел Тебя,
Считая, что свой скрыть сумел секрет,
Скажи: «Хоть он не знал, но знала я».

Меня не станет, но красу Твою
Я в царстве теней не смогу забыть,
Ты будешь мир все украшать собой;

Когда ж с улыбкой вспомнишь песнь мою,
О том шепнет свет лунный, может быть,
Что посетит мой сумрачный покой.

СПбФ АРАН. Ф. 340. Оп. 6. Д. 25. Л. 36об.

The silver angel with sad sable wings
Flew down to meet her in the dewy field,
And broke her happy song half-way, and sealed
Her singing with the kiss of silent things,

And bade her seek the dark and banished land.
She did not raise wet, wistful eyes, nor pray
With outstretched arms for one, for one more day,
But to his shining hands she gave her hand.

She looked not back, though she remembered much.
But steadfastly she climbed the darkling stair.
And followed firm the strange and glistening touch,

Till in the whiteness of the silent hall.
Over her frozen eyes and faded hair,
Queenlike she bound the scarlet coronal.

Перевод Я. Шмидт (1936)

В долину мирную с небес за ней
Спустился светлокрылый херувим
И оборвал дыханием своим
Песнь звонкую, что пела средь полей.

Зловеще прозвучал его призыв;
За ним пошла без слез и без мольбы,
Покорно в руки вестника судьбы
Хладеющие длани положив.

Не повернула головы назад,
Вперед и ввысь все неустанно шла,
А очутившись у небесных врат,

Без страха в золотой вошла чертог,
И круг ее прозрачного чела
Зарделся ало-красных роз венком.

СПбФ АРАН. Ф. 340. Оп. 6. Д. 25. Л. 38

She listened to the music of the spheres;
We thought she did not hear our happy strings;
Stars diademed her hair in misty rings,
And all too late we knew those stars were tears.

Without she was a temple of pure snow,
Within were piteous flames of sacrifice;
And underneath the dazzling mask of ice
A heart of swiftest fire was dying slow.

She in herself, as lonely lilies fold
Stiff silver petals over secret gold.
Shielded her passion, and remained afar

From pity. Cast red roses on the pyre!
She that was snow shall rise to Heaven as fire
In the still glory of the morning star.

Перевод Я. Шмидт (1936)

Внимая музыке небесных сфер,
Она, казалось, вне земли жила;
Блистали звезды круг ее чела,
То слезы были, знаю я теперь.

Как горный снег наружно холодна,
Внутри сгорала жертвенным огнем,
Таилась в ней под кажущимся льдом
Душа, восторженной любви полна.

Как лилии златых тычинок клад
Под лепестков фарфором хоронят,
Скрывала чувства; будто ей чужды

Земные страсти. Больше сыпьте роз.
Ее чтоб к небу алый столб унес
При бледном свете утренней звезды.

СПбФ АРАН. Ф. 340. Оп. 6. Д. 25. Л. 37об.

Оскар Уайльд (1854–1900)

Oscar Fingal O'Flahertie Wills Wilde — английский философ, эстет, писатель, поэт ирландского происхождения. Один из самых известных драматургов позднего Викторианского периода. Лондонский денди, позднее осуждённый за «непристойное поведение» и после двух лет тюрьмы и исправительных работ уехавший во Францию, где жил в нищете и забвении под другим именем.

Во Франции Уайльд написал знаменитую поэму «Баллада Реддингской тюрьмы» (*The Ballad of Reading Gaol*; 1898), подписанную им псевдонимом С.3.3. — таков был его тюремный номер (камера № 3, 3 этаж, блок С).

Из поэмы «Баллады Реддингской тюрьмы»

. . .

Yet each man kills the thing he loves
By each let this be heard,
Some do it with a bitter look,
Some with a flattering word,
The coward does it with a kiss,
The brave man with a sword!

Some kill their love when they are young,
And some when they are old;
Some strangle with the hands of Lust,
Some with the hands of Gold:
The kindest use a knife, because
The dead so soon grow cold.

Some love too little, some too long,
Some sell, and others buy;
Some do the deed with many tears,
And some without a sigh:
For each man kills the thing he loves,
Yet each man does not die.

Перевод К. Бальмонта (1903)

Но убивают все любимых, —
Пусть знают все о том, —
Один убьёт жестоким взглядом,
Другой — обманным сном,
Трусливый — лживым поцелуем,
И тот, кто смел, — мечом!

Один убьёт любовь в расцвете,
Другой — на склоне лет,
Один удушит в сладострастии.
Другой — под звон монет,
Добрейший — нож берет: кто умер,
В том муки больше нет.

Кто слишком скор, кто слишком долог,
Кто купит, кто продаст,
Кто плачет долго, кто — спокойный —
И вздоха не издаст,
Но убивают все любимых, —
Не всем палач воздаст.

Перевод В. Брюсова (1915)

Возлюбленных все убивают, —
Так повелось в веках, —
Тот — с дикой злобою во взоре,
Тот — с лестью на устах,
Кто трус — с коварным поцелуем,
Кто смел — с клинком в руках!

Один любовь удушит юной,
В дни старости — другой,
Тот — сладострастия рукою,
Тот — золота рукой,
Кто добр — кинжалом, потому что
Страдает лишь живой.

Тот любит слишком, этот — мало;
Те ласку продают,
Те покупают; те смеются,
Разя, те слезы льют.
Возлюбленных все убивают, —
Но все ль за то умрут?

Перевод Я. Шмидт (1937)

Что любим, убиваем мы,
Пусть знают все о том:
Кто убивает взглядом злым,
Кто ласковым словом,
Свою целует жертву трус,
Храбрец разит мечом.

Кто убивает смолоду,
Кто в старости убил,
Когтями страсти душит тот,
Тот золотом душил,
Кто подобнее — нож берет,
Чтоб труп скорей остыл.

Недолюбил, перелюбил,
Купил иль продает...
Кто, убивая, льет слезу,
Кто — даже не вздохнет —
Что любим, убиваем мы,
Убийца же живет.

Адам Мицкевич (1798–1855)

Из «Крымских сонетов»

IV — БУРЯ

Zdarto żagle, ster prysnął, ryk wód, szum zawiei,
Głosy trwożne gromady, pomp złowieszcze jęki,
Ostatnie liny majtkom wyrwały się z ręki,
Słońce krwawo zachodzi, z niem reszta nadziei.

Wicher z tryumfem zawył; a na mokre góry,
Wznoszące się piętrami z morskiego odmetu,
Wstąpił geniusz śmierci i szedł do okrętu,
Jak żołnierz szturmujący w połamane mury.

Ci leżą napół martwi, ów załamał dłonie,
Ten w objęcia przyjaciół żegnając się pada,
Ci modlą się przed śmiercią, aby śmierć odegnąć;

Jeden podróżny siedział w milczeniu na stronie
I pomyślił: szczęśliwy, kto siły postrada,
Albo modlić się umie, lub ma z kim się żegnać.

Перевод Я. Шмидт (1936)

Порван парус, руль сломан, рев волн, взрывы шквала,
Вопли страшной тревоги, стоны — визг насосов;
Канат последний вырвался из рук матросов;
Вместе с солнцем кровавым надежды не стало.

Ветер вскрикнул победно; и по гребням пены,
Вздымавшимся высоко из бездны, что горы,
Гений смерти скользнул к кораблю среди моря,
Как воин в штурм идет, пробивши вражьи стены.

Лежит кто полумертвый, руки кто ломает,
Кто, прощаясь с друзьями, рыданиям дал волю,
А кто, молясь, у смерти хочет откупиться.

Путник один лишь молча в сторонке страдает;
Счастлив — думает — тот, у кого сил нет боле,
Вера есть в благодать неба, иль есть с кем проститься.

«Крымские сонеты», написанные во время ссылки в Россию в 1825–1826 гг., были изданы А. Мицкевичем на польском языке в Москве в 1826 году.

Первым за их перевод на русский язык взялся слепой поэт И. И. Козлов.

«Крымские сонеты» частично и полностью переводили также М. Лермонтов, Н. Берг, А. Фет, А. Майков, И. Бунин. Уже в советское время переводами крымского цикла занимались Н. Асеев, П. Антокольский, О. Румер, М. Зенкевич, В. Левик и др.

Перевод И. Козлова (1829)

Корма затрещала, летят паруса,
Встревоженной хляби звучат голоса,
И солнце затмилось над бездной морскою
С последней надеждой кровавой зарею.

Громада, бунтуя, ревет и кипит,
И волны бушуют, и ветер шумит,
И стон раздаётся зловещих насосов,
И вырвались верви из рук у матросов.

Торжественно буря завывала; дымясь,
Из бездны кипучей гора поднялась;
И ангел-губитель по ярусам пены

В корабль уже входит, как ратник на стены.
Кто, силы утратив, без чувства падет;
Кто, руки ломая, свой жребий клянет;

Иной полумертвый о друге тоскует,
Другой молит Бога, да гибель минует.
Младой иноземец безмолвно сидит,
И мнит он: “Тот счастлив, кто мертвым лежит,

И тот, кто умеет усердно молиться,
И тот, у кого еще есть с кем проститься”.

Перевод В. Бенедиктова (1883)

Парус в клочки; руль оторван. Шум! Рёв! Завыванья!
Крики и вопли! — Отчаянно помпы скрипят.
Вырван из рук моряков их последний канат.
Солнце кровавое никнет: — закат упованья!

Вихрь торжествует... Идёт к кораблю по волнам
Вставший из бездны Дух смерти, — шагает по влажным
Моря уступам — по этим горам стоэтажным:
Воин так штурмом несётся к разбитым стенам!

Те еле живы; тот в корчах страдает жестоко;
Тот на прощанье склонился в объятия друзей; —
Этот в молитвах пред смертью — противится ей.

Одаль один сел — и мыслит себе одиноко:
«Счастлив, кто может молиться на смертном пути
Или имеет кому хоть промолвить: прости!»

Перевод В. Ходасевича (1917)

Прочь — парус, в щепы — руль, рев вод и вихря визг;
Людей тревожный крик, зловещий свист насосов,
Канаты вырваны из слабых рук матросов,
С надеждой вместе пал кровавый солнца диск.

Победно вихрь завыл; а там на гребни пены,
На горы тяжкие нагроможденных вод
Вступает смерти дух — и к кораблю идет,
Как воин яростный — в проломленные стены.

Ломает руки тот, тот потерял сознание,
Тот в ужасе, крестясь, друзей своих обнял,
А тот молитвой мнит от смерти оградиться.

Был путник между них: сидел один в молчанье
И думал он: счастлив, кто здесь без чувств упал,
Кто детски молится, кому есть с кем проститься.

Франческо Петрарка (1304–1374)

Сборник сонетов и канцон Ф. Петрарки, посвящённых Лауре, традиционно называемый *Il Canzoniere* "Канцоньере" ("Книга песен"), стал образцом классического европейского сонета.

В России поэтические (как правило, очень вольные) переводы из «Канцоньере» начинают появляться в на рубеже XVIII–XIX вв.: подражания Петрарке публикуют И. И. Виноградов (1792), Е. А. Кольчев (1796), Е. П. Люценко (1796–1797), ведущий поэт русского сентиментализма И. И. Дмитриев (1797), М. С. Кайсаров (1798, 1801), Г. Р. Державин (1808) и, наконец, К. Н. Батюшков (1810).

На протяжении XIX века переводы из Петрарки печатали В. И. Туманский (1818), дядя Пушкина Василий Львович (1823), С. Е. Раич (1831), И. И. Козлов (1835), А. Н. Майков (1863), В. С. Соловьев (1886), Д. Е. Мин (1888), Д. С. Мережковский (1891–1893), И. А. Бунин (1896).

К первой половине XX века относятся переводы Вяч. Иванова (1915), Ю. Н. Верховского (1905–1948), О. Э. Мандельштама (1933–1934).

Перевод Д. Е. Мина (1888)

Благословляю день, и месяц, и годину,
И час божественный, и чудное мгновенье,
И тот волшебный край, где зрел я, как виденье,
Прекрасные глаза, всех мук моих причину.

Благословляю скорбь и первую кручину,
В какую вверг меня Амур в жестоком мщенье,
И страшный лук его, и стрел его язвенье,
И боль сердечных ран, с которой жизнь покину.

Благословляю все те нежные названья,
Какими призывал её к себе, — все стоны,
Все вздохи, слёзы все и страстные желанья.

Благословляю все сонеты и канцоны,
Ей в честь сложенные, и все мои мечтанья,
В каких явился мне прекрасный образ донны!

Сонет LXI

Benedetto sia 'l giorno, e 'l mese, e l'anno,
e la stagione, e 'l tempo, e l'ora, e 'l punto,
e 'l bel paese, e 'l loco ov'io fui giunto
da' duo begli occhi che legato m'hanno;

e benedetto il primo dolce affanno
ch'i'ebbi ad esser con Amor congiunto,
e l'arco, e le saette ond'i' fui punto,
e le piaghe che 'nfin al cor mi vanno.

Benedette le voci tante ch'io
chiamando il nome de mia donna ho sparte,
e i sospiri, e le lagrime, e 'l desio;

e benedette sian tutte le carte
ov'io fama l'acquisto, e 'l pensier mio,
ch'è sol di lei, sì ch'altra non v'ha parte.

Перевод Я. Шмидт

Благословенны год, и день, и час свиданья,
И место, где Ее впервые я заметил,
И чудная страна, где я попался в сети
Пленивших глаз прекрасного созданья.

Благословенны муки первого страданья,
И купидон, что жертвою меня наметил;
И лук, и стрелы те (хотя бы смерть я встретил),
И раны, нанесенные без состраданья.

Благословенны многочисленные речи,
Которые возлюбленную прославляют,
И вздохи нежные, и слезы каждой встречи.

Благословенны песни, что уста слагают
Мои в честь милой на родном ее наречьи,
И мысли, что одну Лауру только знают.

Перевод В. Брюсова

Благословен тот вечер, месяц, год,
То время, место, та страна благая.
Тот край земной, тот светлый миг, когда я
Двух милых глаз стал пленник в свой черед.

Благословенна ты, боль роковая,
Что бог любви нам беспощадно шлет,
И лук его, и стрел его полет,
Разящих сердце, язвы растравляя.

Благословенны речи все, где я
Ее назвал, печали не тая,
Желанья все, все жалобы, все стоны!

Благословенны вы, мои канцоны,
Ей спетые, все мысли, что с тоской
Лишь к ней неслись, к ней, только к ней одной.

Перевод Вяч. Иванова (1915)

Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!

Благословенна боль, что в первый раз
Я ощутил, когда и не приметил,
Как глубоко пронзен стрелой, что метил
Мне в сердце Бог, тайком разящий нас!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашал я сон дубрав,
Будя отзвучья именем Мадонны!

Благословенны вы, что столько слав
Стяжали ей, певучие канцоны, —
Дум золотых о ней, единой, сплав!

Уильям Шекспир

Сонет 2

Знакомство русского читателя с сонетами Шекспира началось во второй половине XIX в. благодаря переводам И. Мамуны. Первый полный сборник был подготовлен Н. Гербелем и вышел в 1880 г.

В 1904 г. С. А. Венгеров, издававший собрание сочинений У. Шекспира, поместил в V томе сонеты, переведенные разными авторами (П. Краснов, В. Брюсов, Н. Холодковский, Ф. Червинский, Л. Вилькина, П. Быков, Ю. Пашковская, Н. Гербель, И. Гринеvская, В. Лихачёв, В. Мазуркевич, К. Случевский, Э. Ухтомский, К. Фофанов, Т. Щепкина-Куперник, А. Фёдоров, С. Лейтенант, Н. Брянский, С. Ильин).

М. Чайковский в 1914 г. выпустил второе полное издание сонетов (кроме 135 и 136).

После 1917 г. в печати появлялись отдельные переводы О. Румера и Б. Пастернака (в 1938 г.). Новый полный перевод всего цикла сонетов опубликовал в 1948 г. С. Маршак.

Перевод Н. Гербеля (1880)

Когда, друг, над тобой зим сорок пролетят,
Изрыв твою красу, как ниву плуг нещадный,
И юности твоей убор, такой нарядный,
В одежду ветхую бедняги превратят, —

Тогда на тот вопрос, с которым обратятся:
"Скажи, где красота, где молодость твоя?" —
Ужель ответишь ты, вину свою тая,
Что в мраке впалых глаз твоих они таятся?

А как бы ты расцвел, когда б им не шутя
Ответить вправе был спокойно и с сознаньем:
"Вот это мной на свет рожденное, дитя
Сведет мой счет и мне послужит оправданьем".

Узнал бы ты тогда на старости любовь,
Способную согреть остывшую кровь.

When forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery, so gazed on now,
Will be a tatter'd weed, of small worth held:

Then being ask'd where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days,
To say, within thine own deep-sunken eyes,
Were an all-eating shame and thriftless praise.

How much more praise deserved thy beauty's use,
If thou couldst answer "This fair child of mine
Shall sum my count and make my old excuse,"
Proving his beauty by succession thine!

This were to be new made when thou art old,
And see thy blood warm when thou feel'st it cold.

Перевод Я. Шмидт (1935)

Четырежды десятая зима
Когда в атаку поведет полки,
Морщины наведет тебе сама
И краски станут менее яркие,

Какой тогда Ты сможешь дать ответ,
Куда себе завещанное дел?
Неуж во впавшие глаза, где яркий свет,
Былой блеск утеравши, потускнел?

Скажи, не лучше ль было б, если б мог
Ответить Ты: «Глядите, вот мой сын,
Моей он жизни подведет итог,
В нем искупление моих всех вин».

В своем бы сыне вновь Ты молод стал
И кровь застывшую — им согревал.

СПбФ АРАН. Ф. 340. Оп. 6. Д. 25. Л. 64об.

Перевод М. Чайковского (1914)

Когда твой лик осадят сорок зим,
Изрыв красу твоей роскошной нивы,
То блеск его, теперь неотразим,
Представится тогда мрачней крапивы.

И на вопрос, где красота былая,
Сокровище твоих весенних дней,
Не прозвучит ли как насмешка злая
Ответ: "В глуби ввалившихся очей"?

Насколько ж будет лучше примененье
Твоих даров, когда ответишь: "Вот
Мой сын, в нем старости моей прощенье"...
И снова лик твой миру зацветет.

Так, стариком ты станешь юным вновь,
Когда в другом твоя зардеет кровь.

Перевод С. Маршака (1948)

Когда твое чело избородят
Глубокими следами сорок зим,
Кто будет помнить царственный наряд,
Гнушаясь жалким рубищем твоим?

И на вопрос: "Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?" —
Что скажешь ты? На дне угасших глаз?
Но злой насмешкой будет твой ответ.

Достойней прозвучали бы слова:
"Вы посмотрите на моих детей.
Моя былая свежесть в них жива,
В них оправданье старости моей".

Пусть с годами стынувшая кровь
В наследнике твоём пылает вновь!

У. Шекспир

Сонет 9

Is it for fear to wet a widow's eye
That thou consumest thyself in single life?
Ah! if thou issueless shalt hap to die.
The world will wail thee, like a makeless wife;

The world will be thy widow and still weep
That thou no form of thee hast left behind,
When every private widow well may keep
By children's eyes her husband's shape in mind.

Look, what an unthrift in the world doth spend
Shifts but his place, for still the world enjoys it;
But beauty's waste hath in the world an end,
And kept unused, the user so destroys it.

No love toward others in that bosom sits
That on himself such murderous shame commits.

Перевод В. Лихачева (1904)

Не страх ли, что вдову ты здесь в слезах покинешь,
Тебя принудил дать безбрачия обет?
Напрасно! Если ты от нас бездетным сгинешь,
Вдовою по тебе останется весь свет.

Он, как вдова, о том скорбеть и плакать станет,
Что отпечаток твой утрачен для него;
Вдова же, в детские глазенки только взглянет,
Вновь обретет черты супруга своего.

Не разоряет мир добытых благ растрата:
Сам промотаешься — других обогатишь;
Но изжитой Красе нет на земле возврата:
Растратишь без толку — весь мир красоты лишишь.

Движениям любви то сердце непокорно,
Которое себя изводит так позорно.

Перевод В. Бенедиктова (сер. XIX в.)

Коль правда, что ничто не ново, все обычно,
Что наше новое — лишь снова введено, —
Изволь изобретать! Носи, рождай вторично
Дитя, которое уж было рождено!

Но нет! История пусть мне укажет лично
Твой образ, бывший там — когда-нибудь давно,
И пусть история докажет мне логично,
Что там твое лицо теперь повторено!

Коль так, хотел бы я звать древних лет сужденье
О красоте твоей: и вразумился б им,
Что на земле у нас — прогресс или паденье,
Иль то ж все вторится путем чередовым.

Но, — я уверен, — встарь рождало удивленье
И то, в чем мы теперь несовершенства зрим.

Перевод Я. Шмидт (1935)

Жизнь одинокую неуж ведешь,
Чтоб по Тебе не плакала вдова?
Но если без потомства Ты уйдешь,
Твою могилу окружит молва,

И вдови слезы будет проливать,
Жалеть, что не родил Ты сыновей
Тебе подобных, что могли бы дать
Тем утешенье матери своей.

Дары земные, если и беречь,
Хозяину другому перейдут;
Дерзнувшие пресечь свою красу
Бездетно, оправданья не найдут.

Поистине, своим Ты ближним враг,
Раз допускаешь, чтоб Твой род иссяк.

СПбФ АРАН. Ф. 340. Оп. 6. Д. 25. Л. 63

Перевод М. Чайковского (1914)

Из страха вызвать слезы у вдовы
Себя ты истощаешь одиноко?
Но, без потомства умирая, ты
Вдовой оставишь мир земной, глубоко

Скорбящей, что унес ты, уходя,
Твой несравненный лик с собой в могилу.
Ведь плач у вдов при взгляде на дитя,
В котором жив опять покойник милый,

Сменяется улыбкою. Утрата,
Случившись здесь, там прибылью всплывет.
Но с красотой не так: ей нет возврата,
Когда она бесплодно отцветет.

В том нету места для любви к другим,
Кто беспощаден так с собой самим.

Перевод С. Маршака (1948)

Должно быть, опасаясь вдовьих слез,
Ты не связал себя ни с кем любовью.
Но если б грозный рок тебя унес,
Весь мир надел бы покрывало вдовье.

В своем ребенке скорбная вдова
Любимых черт находит отраженье.
А ты не оставляешь существа,
В котором свет нашел бы утешенье.

Богатство, что растрчивает мот,
Меняя место, в мире остается.
А красота бесследно промелькнет,
И молодость, исчезнув, не вернется.

Кто предает себя же самого —
Не любит в этом мире никого!

У. Шекспир

Сонет 66

Tired with all these, for restful death I cry,
As, to behold desert a beggar born,
And needy nothing trimm'd in jollity,
And purest faith unhappily forsworn,

And gilded honour shamefully misplaced,
And maiden virtue rudely strumpeted,
And right perfection wrongfully disgraced,
And strength by limping sway disab(e)led,

And art made tongue-tied by authority,
And folly (doctor-like) controlling skill,
And simple truth miscall 'd simplicity,
And captive good attending captain ill:

Tired with all these, from these would I be gone,
Save that, to die, I leave my love alone.

Перевод Н. Гербеля (1880)

В усталости моей я жажду лишь покоя!
Как видеть тяжело достойных в нищете,
Ничтожество в тиши вкушающим благое,
Измену всех надежд, обман в святой мечте,

Почет среди толпы, присвоенный неправо,
Девическую честь, растоптанную в прах,
Клонящуюся мощь пред роком величаво,
Искусство, свой огонь влачащее в цепях,

Низвергнутое в грязь прямое совершенство,
Ученость пред судом надменного осла,
Правдивость, простоте сулимую в блаженство,
И доброту души в служении у зла!

Всем этим утомлен, я бредил бы могилой,
Когда бы не пришлось тогда проститься с милой.

Перевод Б. Пастернака (1938)

Измучась всем, я умереть хочу.
Тоска смотреть, как мается бедняк,
И как шутя живется богачу,
И доверять, и попадать впросак,

И наблюдать, как наглость лезет в свет,
И честь девичья катится ко дну,
И знать, что ходу совершенствам нет,
И видеть мощь у немощи в плену,

И вспоминать, что мысли заткнут рот,
И разум сносит глупости хулу,
И прямодушие простотой слывет,
И доброта прислуживает злу.

Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Да другу трудно будет без меня.

Перевод Я. Шмидт (1936)

Я смерть зову, глядеть давно устал,
Что тот, кто беден, ближними забыт,
Что хвалят недостойное похвал,
Пятная, не щадя, девичий стыд,

Бесчестные, что попирают честь,
Что веру деда отрицает внук,
Что пред пороком расточают лесть,
Сменяет немощь силу мощных рук,

Искусство сковано как Прометей,
Невежество приказы шлет уму,
Нет истине почета у людей,
Добро у зла находится в плену...

Я смерть зову, устал ото всего,
Но как тебя оставить одного?

СПбФ АРАН. Ф. 340. Оп. 6. Д. 25. Л. 67

Перевод А. Луначарского (1934)

Устав от этого — о смерти я кричу.
Талант рождается позорным нищим,
Ничто красуется в блистательном жилище,
И верность отдана злосчастью-палачу.

Златой венком на голове притворства,
И дева-скромность здесь осквернена.
Высокий дух казнен за непокорство,
Тиранству вялому над мощью власть дана.

В наморднике чиновничьем искусство,
И доктор Дурь — над гением патрон,
Зовется глупостью естественное чувство,
И Благ — рабом; и Гаду гнут поклон.

Устал я и хотел бы сна могилы,
Но как оставить мне тебя, мой милый.

Перевод С. Маршака (1948)

Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаюню,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянии,

И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,

И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.

Все мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!

У. Шекспир

Сонет 90

Then hate me when thou wilt, if ever, now
Now while the world is bent my deeds to cross,
Join with the spite of Fortune, make me bow,
And do not drop in for an after-loss.

Ah do not, when my heart has scaped this sorrow,
Come in the rearward of a conquered woe;
Give not a windy night a rainy morrow,
To linger out a purposed overthrow.

If thou wilt leave me, do not leave me last,
When other petty griefs have done their spite,
But in the onset come; so shall I taste
At first the very worst of Fortune's might;

And other strains of woe, which now seem woe,
Compared with loss of thee, will not seem so.

Перевод Н. Гербеля (1880)

Когда моим врагом быть хочешь — будь теперь,
Когда передо мной захлопывают дверь.
Низвергни в грязь меня, соединишь с судьбою,
Но не карай потом последствий мстью злою.

Когда душа моя печали сбросит гнет,
Не приходи вонзать мне в грудь шипы забот!
Пуускай за ночи тьмой не следует ненастье,
Чтоб отдалить — не дать померкнуть солнцу счастья!

Когда ж настанет час разлуки, пусть борьба
Не длится, чтобы рок усилиться ей не дал
И дух мой поскорей все худшее изведаль,
Что может мне послать суровая судьба, —

И я не назову тогда несчастьем, знаю,
Того, что я теперь несчастьем называю.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник (1904)

Так пусть же ненависть является твоя;
Но уж скорей, пока судьба ко мне жестока.
Соединись и ты с преследованьем рока
И придави меня — пока несчастен я,

Когда же властвовать печаль не будет мною,
Ты на меня тогда не напади тайком,
И туч не нагони — вслед за дождливым днем
Настигнув бурю неожиданною ночью.

Покинешь ты меня?.. Покамест я борьбой
Измучен не вконец — рази без сожаленья;
Так раньше всех других приму без промедленья
Ужаснейший удар, мне посланный судьбой.

И все, что горем мнил — душе, тоской объятай,
Покажется ничем перед твоей утратой.

Перевод Я. Шмидт (1936)

Меня сейчас Ты лучше разлюби,
Сейчас, когда всем светом я гоним,
Склоняясь под ударами судьбы; —
Опередить себя не дай другим.

Не надо чтоб удар жестокий твой
Пал на уже зажившей раны след,
Чтоб после непроглядной тьмы ночной
Столь же ненастный наступил рассвет.

Не покидай меня в тот поздний час,
Когда уже устану от невзгод;
Ты сердцу рану нанеси сейчас,
Вкусить дай сразу самый горький плод.

Твоей изменой буду так убит,
Что не почувствую других обид.

СПбФ АРАН. Ф. 340. Оп. 6. Д. 25. Л. 75об.

Перевод М. Чайковского (1914)

Коль хочешь быть врагом мне — будь им ныне,
Когда гоним я роком и людьми.
Примкни скорей к враждебной мне судьбине,
Но медленной отравой не томи!

Когда душа печали сбросит гнет,
О, не буди подавленную муку!
За бурей вслед пусть дождик не идет...
Не замедляй решенную разлуку,

Покинь, — но не последним, умоляю,
За меньшими печальми вослед,
Нет, сразу порази! Тогда познаю
Тягчайшую из выпавших мне бед.

И горе, что считаю ныне горем,
Покажется мне каплей рядом с морем!

Перевод С. Маршака (1948)

Уж если ты разлюбишь — так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!

И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром — утром без отрады.

Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больше,

Что нет невзгод, а есть одна беда —
Твоей любви лишиться навсегда.

У. Шекспир

Сонет 99

The forward violet thus did I chide:
Sweet thief, whence didst thou steal thy sweet that smells,
If not from my love's breath? The purple pride
Which on thy soft cheek for complexion dwells,

In my love's veins thou hast too grossly dyed.
The lily I condemned for thy hand;
And buds of marjoram had stol'n thy hair;
The roses fearfully on thorns did stand,

One blushing shame, another white despair;
A third, nor red nor white, had stol'n of both,
And to his robb'ry had annexed thy breath,
But for his theft, in pride of all his growth

A vengeful canker eat him up to death.
More flowers I noted, yet I none could see
But sweet or colour it had stol'n from thee.

(в сонете 99, вопреки сонетной форме, содержится не четырнадцать, а пятнадцать строк)

Перевод Н. Гербеля (1880)

Фиалке ранней я с укором говорил:
«Где ты похитила свой аромат небесный,
Как не из вздохов той, кому мой отдан пыл,
А пурпур на покров из вен моей прелестной?»

Я лилию корил в покраже белизны
Прекрасных рук твоих, а мак — волос каскада;
Что ж до трех роз, то — в прах стыдом низложены —
Они чуть рдели вокруг, не подымая взгляда:

Одна — пылая вся, другая — побледнев,
А третья — всем даря чужие ароматы,
Тогда как червь, давно свой сдерживавший гнев,
Уже точил ее, дождавшись расплаты.

Поверь, что я цветка такого не видал,
Который с уст твоих свой запах бы не брал!

Перевод Н. Холодковского (1904)

Я раннюю фиалку так бранил:
«О милый вор! Как смел ты ароматы
С любимых уст украсть? Из милых жил
Как смел взять кровь, которой так богаты
Твои ланиты в цвете юных сил?»

В честь рук твоих я порицал лилею,
Бранил душицу в честь твоих кудрей;
Из роз одна краснела; перед нею
Другая снега сделалась белей,

А третьей цвет ни красный был, ни белый:
Румянец твой похитила она
И белизну! Но за грабеж столь смелый
Червяк ее всю источил до дна.

И все цветы, так думал я в печали,
Красу иль сладость у тебя украли.

Перевод Я. Шмидт (1937)

Фиалке ранней ставил я на вид,
Что ею у Тебя заимствован
Тончайший запах, и что блеск ланит
Столь ярок, будто венчик выкупал
В твоей крови, и оттого блестит.

Твоих у лилий вижу бледность рук,
У мака — глядь — твоих волос волна,
Смотри — воровок роз трясет испуг,
Та красная стоит, а та бледна,

А третья у тебя сверх красок тех
Еще украла нежный аромат,
И в наказание за этот грех
Уж черви изнутри ее едят.

Цветов премного зрю вокруг себя:
Похитил каждый что-то у тебя.

СПбФ АРАН. Ф. 340. Оп. 6. Д. 25. Л. 77об.

Перевод М. Чайковского (1914)

Я так цветок фиалки упрекал:
Прелестный вор, твоё благоуханье
Ты не из уст ли милого украл?
Чтоб лепесткам твоим придать блистанье
Не у него ли кровь из жил ты взял?

Лилей корил за цвет руки твоей,
Ростки душицы — за красу волос,
Виновными глядели кущи роз,
Одни красны, другие же бледней

Чем снег, а третьи — в краске томной млели,
Украв твой цвет и нежный аромат.
За это воровство их черви ели,
Когда всего пышнее их наряд.

И не было ни одного цветка,
Который не ограбил бы тебя.

Перевод С. Маршака (1948)

Фиалке ранней бросил я упрек:
Лукавая крадет свой запах сладкий
Из уст твоих, и каждый лепесток
Свой бархат у тебя берет украдкой.

У лилий — белизна твоей руки,
Твой темный локон — в почках майорана,
У белой розы — цвет твоей щеки,
У красной розы — твой огонь румяный.

У третьей розы — белой, точно снег,
И красной, как заря, — твоё дыханье.
Но дерзкий вор возмездья не избег:
Его червяк съедает в наказанье.

Каких цветов в саду весеннем нет!
И все крадут твой запах или цвет.